

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

**Севастопольская страда
(Часть 1)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский
С32 Севастопольская страда (Часть 1) / Сергей Николаевич Сергеев-Ценский – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 398 с.

ISBN 978-5-4241-1829-6

Роман-эпопея "Севастопольская страда" русского советского писателя С.Н. Сергеева-Ценского (1875-1958) посвящен героической обороне города во время Крымской войны 1853-1856 гг.

ISBN 978-5-4241-1829-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Сергеев-Ценский Сергей
Севастопольская страда (Часть
1)

Сергей Николаевич СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ
СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА

Эпопея

Части I - III

СОДЕРЖАНИЕ:

Олег Михайлов. Богатырь с реки Цна. (1 2 3 4)

Часть первая

Глава первая. Бал. (I II) Глава вторая. Враги пришли. (I II III IV) Глава третья. Потревоженный муравейник. (I II III IV V) Глава четвертая. Бой на Алме. (I II III IV V) Глава пятая. Отступление. (I II III IV) Глава шестая. Смертный приговор флоту. (I II III IV) Глава седьмая. Фланговый марш. (I II III IV)

Часть вторая

Глава первая. Самодержец. (I II III IV V) Глава вторая. Другой самодержец. (I II III IV) Глава третья. Третий самодержец - его величество капитал. (I II III IV) Глава четвертая. Часы тревоги. (I II III) Глава пятая. Дни ликований. (I II) Глава шестая. Дни надежд. (I II III IV V VI) Глава седьмая. Торжество логики. (I II III) Глава восьмая. Канонада 5/17 октября. (I II III IV V VI VII VIII IX X XI)

Часть третья

Глава первая. Канонада продолжается. (I II III IV V) Глава вторая. Балаклавское дело. (I II III IV V VI VII VIII) Глава третья. Канун битвы. (I II III IV V) Глава четвертая. Инкерманское побоище. (I II III IV V VI VII VIII IX) Глава пятая. Победенный главнокомандующий. (I II III) Глава шестая. Разгул стихий. (I II III IV V VI) Глава седьмая. Казнокрады. (I II III IV)

БОГАТЫРЬ С РЕКИ ЦНА

I

Это было едва ли не в самый трудный 1942 год, когда на двухтысячекилометровом фронте, рассекшем всю нашу необъятную Родину, от Баренцева до Черного моря, кипела отчаянная, не на жизнь, а на смерть, битва, когда весь мир следил за невиданным по накалу сражением на пепелищах волжской твердыни - Сталинграда. На торжественном заседании Академии наук СССР знаменитый писатель-академик А. Н. Толстой выступил с докладом "Четверть века советской литературы". Его слово, пронизанное глубинной патриотической устремленностью, шло в бой, как пуля красноармейца, как снаряд артиллериста, как бомба летчика. Одновременно в докладе подводились итоги плодотворного и не простого пути молодой советской культуры, которой пришлось в 20-е годы столкнуться с фактами нигилистического отрицания национальных ценностей, военного искусства, русской государственности.

"Литература борется за восстановление генетических линий и связывает нити, тянущиеся от современного человека к историческому прошлому, - на первом этапе эти нити были оборваны и порой обрывались умышленно, как, например, деятельностью РАППа, - отмечал А. Н. Толстой. - В поисках великого исторического наследия литература обращается к историческому роману. В последние годы перед войной он преобладает над другими жанрами. Это романы: "Севастопольская страда" Сергеева-Ценского, "Дмитрий Донской" Бороди-

на, "Чингиз-хан" и "Батый" Яна, "Великий Моурави" Антоновской, "Возмутитель спокойствия" Леонида Соловьева и предшествующие им: "Разин Степан" Чапыгина, "Болотников" и "Труды и дни Ломоносова" Георгия Шторма, "Кюхля" и "Смерть Вазир-Мухтара" Юрия Тынянова, "Цусима" Новикова-Прибоя, "Одеты камнем" Ольги Форш и ее трилогия из времен Екатерины II и многое другое"*.

* Т о л с т о й А. Н. Четверть века советской литературы. - М., 1943, с. 28.

Вместе с выдающимся произведением нашей классики - романом А. Н. Толстого "Петр Первый" - лучшие из названных книг вошли в золотой фонд советской литературы. В этом списке не случайно первой названа эпопея С. Н. Сергеева-Ценского. Когда А. Н. Толстой произносил свои слова, Севастополь вновь совершал героический подвиг: 245 дней, с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 года, отражал его гарнизон яростные атаки немецко-фашистских войск. Новым, вещим смыслом осветились фигуры русских военачальников-патриотов - Корнилова, Нахимова, Истомина, Хрулева; горячим боевым содержанием наполнились строки старых приказов, например, отданного вице-адмиралом Корниловым: "Ребята, помни: если надо умереть на защите этого бастиона, умрем до единого все, - но ретирады не будет. А ежели кто из вас услышит, что я скоманую ретираду, - коли меня!"

Конечно, война 1941 - 1945 годов была прежде всего войной двух социальных систем, двух классовых антагонистов. "Как два различных полюса, во всем враждебны мы", - говорилось в знаменитой песне. Но недаром песня эта называлась "Священная война". Священной, Отечественной была эта война с гитлеровскими захватчиками. После агрессии, развязанной фашистской Германией, идеи русской государственности, мощи и единства Отечества приобретали особую остроту и современность. Фигуры полководцев и флотоводцев - Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова и многих других - символизировали славу нашего оружия, непобедимость России. Именно в эти годы с новой исторической глубиной и силой зазвучали слова: "Отечество", "Родина", "патриотизм". Традиции оказались восстановленными перед лицом смертельной опасности для нашего государства; многое из того, что недавно еще казалось архаичным или отжившим, подействовало в беде, в несчастье очистительно и животворно.

В числе тех, кто энергично и целеустремленно восстанавливал эти традиции силой художественного слова, мы называем сегодня Сергея Николаевича Сергеева-Ценского. Его величественная эпопея "Севастопольская страда" осталась замечательным художественным памятником подвигу н а р о д а в Крымской войне 1853 - 1856 годов, вобравшим в себя и деяния прогрессивных военачальников и патриотически настроенных офицеров, и героическую страду таких простых людей, как солдаты Арефий Алексеев, Егор Мартышин, Семен Павлов, Матвей Шелкунов, матросы Петр Кошка, Игнат Шевченко, гусар Сорока, унтер-офицер Зарудин, сестра милосердия Прасковья Графова и неисчислимое количество других. Страна высоко оценила труд писателя-патриота. 15 марта 1941 года, в канун Великой Отечественной войны, С. Н. Сергеев-Ценский за создание "Севастопольской страды" был удостоен Государственной премии 1-й степени,

вместе с А. Н. Толстым, получившим ее за роман "Петр Первый", и М. А. Шолоховым - за "Тихий Дон".

Эта эпопея, с энциклопедической полнотой отразившая целую главу в нашей истории, подводила определенные итоги долгому пути С. Н. Сергеева-Ценского в русской и советской литературе.

2

"Вошел высокий, прямой, смуглый молодой человек, в черных бравых усах и с целой охапкой буйных кудрей, отливавших синим отливом, небрежно спутанных, опущенных до плеч, крупно вьющихся "по ветру", как у песенного Ваньки-ключника. Эти дремуче-запущенные роскошные кудри свидетельствовали не о франтовстве, а, наоборот, о недосуге заниматься ими, о свирепой занятости литературного аскета.

Это первое мое впечатление подтвердилось потом, при более близком знакомстве.

Ценский жил одиноким отшельником в "Пале-Рояле", так же как, вероятно, жил когда-то в деревенской глуши Тамбовской губернии, уроженцем которой считался, и вообще, куда ни бросала его бродячая жизнь".

Так описывает свое знакомство с молодым Сергеевым-Ценским, после 1905 года, в Петербурге поэт Степан Скиталец*.

---

* С к и т а л е ц С. В. дореволюционные годы. - В сб.:

Сергеев-Ценский в жизни и творчестве. Воспоминания современников.

Тамбов, 1963, с. 48.

Нечто богатырское, могучее было и в самом облике писателя, и в размахе его кисти, в самоцветном слове, привлечшем внимание читателей и критики. За плечами Сергеева-Ценского - учительский институт в Глухове, служба вольноопределяющимся в Черниговской губернии в Житомире, преподавание в провинциальных училищах Каменец-Подольска, Купянска, Спасска, Павлограда, жизнь на случайные заработки, учеба в Харьковском университете, снова преподавание - в Павловом Посаде под Москвой и в Тальсене Рижского учебного округа. В 1904 году, после начала русско-японской войны, он был призван в армию как прапорщик запаса в Очаковский полк - сперва в Херсон, затем в Одессу. Переведенный в 51-й Литовский полк, командир взвода Сергеев стал свидетелем революционных событий в Крыму, оставивших глубокий след в его сознании. Лишь с окончанием войны с Японией Сергей Николаевич получил наконец возможность уволиться в запас. Он купил себе небольшой участок земли близ Алушты и построил там дом, сделавшийся ему приютом до конца дней.

Так закончился период скитаний в жизни С. Н. Сергеева-Ценского, который смог отныне отдаться исключительно художественному творчеству.

Знакомясь с биографией писателя, сразу отмечаешь в его натуре черты бунтаря и правдолюбца. Частая смена места работы в молодости объяснялась столкновениями с местным начальством, протестом против затхлости, пошлости, рутинерства, господствовавших в тогдашней системе преподавания. Из Каменец-Подольска он был вынужден уехать после конфликта из-за "недопустимых вольностей" на занятиях русского языка. Школу в Павловом Посаде пришлось оставить после острого столкновения с рутинером-инспектором (этот конфликт он описал в рассказе 1903 года "Медуза").

Особенно драматический характер носила недолгая служба прапорщика Сергеева в царской армии. Уже в день прибытия в часть он резко выступил против ротного командира капитана Андреева, который бесчеловечно обращался с солдатами (эпизод этот отразился в романе 1934 года "Зауряд-полк"). Только писательская известность помешала начальству расправиться с непокорным вольнодумцем. В мае 1905 года Сергеев-Ценский отказался выехать с ротой в Мелитополь на усмирение бастующих рабочих. А после кровавых событий в октябре того же года, когда в Симферополе на безоружную демонстрацию напала подстрекаемая полицией черная сотня, он выступил с обличительным заявлением, которое попало в местные газеты. И лишь демобилизация спасла Сергея Николаевича от преследований со стороны Главного штаба и командующего войсками округа.

Мятежный характер бунтаря и борца был стержнем характера Сергеева-Ценского - человека и писателя. Таким же "возмутителем спокойствия", разрушителем устоявшихся канонов явился он и в художественной жизни тех лет. Правда, юношеский сборник "Думы и грезы" (1901), с его гражданственными, но несколько отвлеченными стихами, мало чем выделялся в потоке текущей литературы. Зато последующие публикации новеллы аллегорического характера о трагической участи бедняка-грузеника "Коварный журавль", "Тундра" и рассказы, в которых отразилась тема нарастания протеста против социальной несправедливости, "Колокольчик", "Медуза", "Сад" - свидетельствовали о том, что в литературу пришел зрелый, талантливый и очень самобытный мастер.

"Первой вещью, сразу сделавшей Ценскому литературное имя, вспоминает Скиталец, - была поэма в прозе "Лесная топь". На торфяных работах, в глуши непроходимых лесов и болот, вдали от всякого жилья человеческого, одичавшая от невозможных усилий труда артель чернорабочих до смерти насилует случайно проходившую женщину, а потом бросает ее тело в бездонную лесную топь. Ужасный случай описан с потрясающим реализмом и вместе с тем звучит как поэма благодаря мастерским описаниям дикой природы, тонким и сложным, как кружево. Манера письма, ударная меткость кисти, яркость контуров оставляют впечатление скорее живописи, чем литературы"*.

---

* С к и т а л е ц С. В дореволюционные годы. - В сб.:

Сергеев-Ценский в жизни и творчестве, с. 47.

С. Н. Сергеев-Ценский прочно вошел в число ведущих художников той поры, его имя упоминалось рядом с именами И. Бунина, А. Куприна, И. Шмелева, А. Толстого. Заметным явлением в литературе стал роман "Бабаев" (1907), в котором дан яркий характер провинциального офицера, томимого ужасом перед бессмысленностью существования. Тем не менее журнальная критика поспешила объявить писателя "модернистом" и даже "декадентом", безусловным учеником Леонида Андреева, с его тягой к запредельному, буйством фантазии и скоплением кошмаров.

Однако самостоятельность пути Сергеева-Ценского и его приверженность реализму становились все заметнее с каждым годом, с каждым новым произведением. Примером может служить лирическая повесть 1909 года "Печаль полей", в которой автор с глубокой тревогой размышляет о судьбе русской деревни. Горький, высоко ценивший талант Сергеева-Ценского, в письме от 15 августа

1927 года сообщал: "Предвкушаю наслаждение перечитать еще раз "Печаль полей", вещь, любимую мною". Редкий по силе образ жестокого и циничного полицейского чиновника дан в повести 1911 года "Пристав Дерябин". Новый этап обозначился для писателя, когда были созданы произведения, вошедшие затем в "коронную вещь", как назвал сам Ценский свою многотомную эпопею "Преображение России", - повесть "Наклонная Елена" (1913) и роман "Валя" ("Преображение", 1914).

В последнем романе, по словам М. Горького, Сергеев-Ценский выступил "большущим русским художником, властелином словесных тайн, пронизательным духовидцем и живописцем пейзажа, - живописцем, каких ныне нет у нас"*.

Жизнь интеллигенции в глухом уголке Крыма накануне первой мировой войны становится для писателя отправной точкой, ведущей к широким идейно-художественным обобщениям.

---

* Г о р ь к и й М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 29. - М., 1955, с. 412.

Однако к своему любимому детищу - эпопее "Преображение России" писатель вернется лишь через два долгих десятилетия...

3

Гражданская война с ее бескомпромиссностью и драматизмом человеческих судеб, когда отдельная личность становилась пылинкой в ходе гигантских геологических преобразований, впечатления от голодного Крыма, разрухи и жестоких невзгод отразились в произведениях Сергеева-Ценского послереволюционной поры: повестях "Чудо", "В грозу", "Жестокость". Не один Ценский был по-человечески потрясен открывшимися ему картинами; находившийся в ту же пору в Крыму, в Алуште, И. Шмелев пишет пронзительное своей документальной фактографией и одновременно окутанное поэтическим блеском повествование "Солнце мертвых"; В. Вересаев создает произведение о блужданиях интеллигенции "В тупике" и т. д.

Что касается С. Н. Сергеева-Ценского, то из-под его пера выплеснулась горькая правда. Она-то и показалась кое-кому, и прежде всего ревнителям классовой чистоты в литературе - лидерам Российской ассоциации пролетарских писателей (вспомним еще раз слова А. Толстого о деятельности РАППа), тенденциозным сгущением красок и даже клеветой на действительность. Так, например, словно в споре с Горьким и его оценкой романа "Преображение" ("Валя") утверждалось:

"Советский период творчества Сергеева-Ценского знаменуется его отходом на правый фланг литературы. Этот период начинается романом "Преображение", перегруженным полумистическим психологизмом с углублением в подсознательную сферу человека. Новые произведения Сергеева-Ценского, по общему мнению критики, отмечены непониманием подлинной сущности Октябрьской революции и имеют тенденциозный и по существу реакционный характер...".*

Да что говорить о Ценском, если "неистовые ревнители" рапповцы и Горького именовали издевательским выражением "Бывший Главсокол, ныне Центроуж"!..**

---

* Современные русские писатели. Под ред. Инн. Оксенова. - Л.,

1930, с. 195.

** "На посту", 1923, № 1, с. 86 - 90.

Попав под жестокий огонь несправедливой критики, Сергеев-Ценский на какое-то время обращается к "чистой" историко-литературной тематике, пишет пьесы, повести, романы о Пушкине, Гоголе, Лермонтове. Наиболее заметен среди них роман 1933 года "Мишель Лермонтов". Трудный и тернистый путь к современности был, однако, проделан: с конца 20-х годов писатель отображает социальную новь, трудовой подъем народных масс, обличает мещанство, поднимает проблемы воспитания детей и молодежи (рассказы "Живая вода", "Устный счет", "Воронята", повести "Счастливица", "Маяк в тумане", очерк "Харьковский тракторный" и т. д.).

Только теперь, за гребнем революции и гражданской войны, после нелегкой поры годов двадцатых, предвзятого отношения со стороны влиятельных литературных кругов, возвращается Ценский к своей монументальной эпопее. В 1935 году он выпускает роман "Искать, всегда искать!", отображающий поэзию научного творчества в новых социальных условиях. Роман "Обреченные на гибель", второй в эпопее вслед за "Валей", рисует настроения русского дореволюционного общества, преимущественно интеллигентной ее прослойки. Царской армии в годы первой мировой войны (после начала которой сам Сергей Николаевич был мобилизован как офицер запаса) посвящены произведения "Зауряд-полк" (1934) и "Массы, машины, стихии" (другое название "Лютая зима", 1936).

Продолжением эпопеи "Преображение России", в которую в итоге вошли двенадцать романов, три повести и два этюда, явились произведения, запечатлевшие героизм русских воинов в первой мировой войне. Внимание писателя не случайно привлекла яркая фигура генерала Брусилова, талантливого военачальника суворовской выучки. Сын и внук потомственных военных (брат Брусилова также остался в нашей истории как отважный морской офицер, плававший под флагом Черноморского флота, в местах действия "Севастопольской страды", а затем вице-адмирал, первый начальник штаба военно-морских сил России), Алексей Алексеевич Брусилов был истинным отцом солдатам, победоносным полководцем, русским патриотом, который после Октябрьской революции сделал свой выбор и отдал все силы укреплению молодой Красной Армии. Романы "Брусиловский прорыв" (1943), "Пушки выдвигают" и "Пушки заговорили" (1944) создавались под аккомпанемент ударов, наносимых советскими войсками немецко-фашистским полчищам. Они были созвучны своим героическим пафосом тому, что происходило на полях Великой Отечественной войны.

Грандиозный замысел - дать картину жизни русского общества начала XX века в серии романов и повестей невольно понуждает вспомнить такие величественные создания, как эпический цикл Бальзака "Человеческая комедия". Все социальные этажи, все общественные прослойки отразились в этой гигантской панораме. Закономерно, что в процессе работы над этим эпосом двадцатого века, в живительной атмосфере советской действительности, автор все больше внимания уделяет фигурам революционеров, большевиков, преобразователей жизни (роман 1952 года "Утренний взрыв", повесть "Суд", этюд "Ленин в августе 1914 года").

Эпопея осталась незавершенной. Именно о ней были последние слова и мысли писателя. "Третьего декабря под вечер, - вспоминает секретарь Сергеева-

Ценского В. К. Козлов, - он... проговорил тихим, слабым голосом:

- Очень многое не сделал... Очень важное!.. Да, не удалось закончить "Преображение"!.. Опоздал!.. Обидно!..

И вскоре умолк навсегда..."*

---

* П л у к ш П. С. Н. Сергеев-Ценский - писатель, человек. - М., 1975, с. 190.

4

Хотя "Преображение России" является самым монументальным созданием Сергеева-Ценского, наибольшую популярность у читателя завоевала его эпопея "Севастопольская страда".

В этом произведении запечатлено немало сокровенного, идущего от самых интимных детских впечатлений.

Сергей Николаевич родился и рос далеко от Черного моря, от твердынь Севастополя. Он увидел свет 18 (30) сентября 1875 года в селе Преображенском Тамбовской губернии у реки Цна, давшей ему литературное имя.

Однако впечатления героической обороны Севастополя сопровождали ребенка с первых шагов. Отец, Николай Сергеевич Сергеев, был ветераном Крымской кампании, участником Севастопольской "страды", унтер-офицером нестроевого разряда. Он много рассказывал жадному до впечатлений мальчику о храбрых патриотах - адмиралах Нахимове и Корнилове; о легендарном матросе Петре Кошке, который в одной из своих вылазок взял в плен трех французских солдат, находившихся в цепи, а в другой - под огнем противника вырыл кощунственно закопанное по пояс тело убитого русского сапера около самой неприятельской траншеи и благополучно вернулся с ним в свой 3-й бастион; о сестрах милосердия, спасавших жизни воинов...

По знаменательному совпадению село Преображенское принадлежало также участнику обороны Севастополя гвардии ротмистру Александру Николаевичу Бабину. Здесь Николай Сергеевич работал учителем земской школы, здесь его сын нашел обширную библиотеку, где было немало исторических и мемуарных произведений о Севастопольской обороне 1854 - 1855 годов. Кто знает, не эти ли ранние впечатления оказали свое воздействие, когда тридцатилетний прапорщик в запасе и известный литератор Ценский обосновался в Алуште, неподалеку от громкого своим именем Севастополя?..

Тема обозначилась не сразу и приняла сперва скромные формы повести для юношества. Очевидно, приступая к ней, писатель в пору расцвета своего таланта мысленно возвращался к истокам собственного детства, к рассказам отца, к прочитанным книгам. История начиналась за распахнутым окном, открывавшим вид на Черное море. Однако в ходе работы, погружения в материал горизонты произведения стали все более раздвигаться. Сам писатель так вспоминал об этом:

"Мой замысел написать эпопею родился из более скромной мысли написать историю Севастополя для детей в виде книжки небольшого объема; в ней описание защиты Севастополя должно было занять страниц пятьдесят. Но когда я начал читать материалы, то сам собою у меня сложился план эпопеи в сто печатных листов...

Я писал эпопею, что называется, запоем, отчасти потому, что видел важность

и своевременность взятой темы... но больше всего потому, что я был покорен несказанным величием и красотой подвига рядовых русских солдат и матросов, самозабвенно защищавших в течение целого года то, что "невозможно было защищать", по мнению обоих главнокомандующих всеми силами Крыма - и князя Меншикова, и князя Горчакова"*.

* П л у к ш П. С. Н. Сергеев-Ценский - писатель, человек, с.
145.

В общем историко-политическом контексте Крымская кампания 1853 - 1856 годов, частью которой явилась знаменитая оборона Севастополя, была войной России против широкой коалиции (Великобритания, Франция, Турция, Сардинское королевство) за то, чтобы отстоять жизненно важные интересы в районе Черного моря и укрепить свои позиции на Балканах и в Закавказье. К середине XIX века Англия и Франция резко усилили свою экспансию на Ближнем Востоке с целью завоевания новых рынков и приобретения новых колоний. Они толкали турецкую реакцию на отторжение от России Крыма и Кавказа. Но объективно прогрессивный, оборонительный характер Крымской войны приходил в противоречие с изжившим себя, реакционным содержанием николаевской монархии.

Это противоречие превосходно раскрыто С. Н. Сергеевым-Ценским в эпосе: с одной стороны, патриотически настроенные, прогрессивные военачальники, передовое офицерство, широкая масса героев солдат и матросов, простых горожан, а с другой - представители тупой реакции, рутинеры, крепостники-помещики, бездарные генералы и министры, вплоть до самого Николая I, этого "тяжелого тирана в ботфоргах", как назвал царя Герцен. Кстати, "Былое и думы", как признавался сам Сергей Николаевич, вместе с трудами Маркса и Энгельса, а также "Записками о Крымской войне" Чернышевского служили ему главными ориентирами в работе над эпосеями.

Сугубо реакционный характер николаевской монархии, с ее патологическим страхом перед революцией, предопределил и отсталость всех звеньев, вплоть до технического оснащения армии, как раз и призванной (один из величайших парадоксов) обеспечивать незыблемость существующих устоев. Армия была вооружена главным образом кремневыми гладкоствольными ружьями с небольшой дальностью стрельбы (у англичан и французов имелись преимущественно нарезные ружья); флот состоял в основном из устаревших парусных кораблей. Однако потенциальные нравственные силы русского народа, породившие "несказанное величие и красоту подвига" солдат и матросов, о чем писал Сергеев-Ценский, решительным образом повлияли на ход событий, придав и Севастопольской обороне и Крымской войне в целом непреходящие героические черты и патриотическое звучание.

Поводом для войны послужил в 1852 году спор о "святых местах Палестины" и о том, кто будет владеть ключами вифлеемской церкви католики или православные. Чрезвычайный посол русского царя А. С. Меншиков потребовал от турецкого правительства права России на особое покровительство православным подданным султана - болгарам, сербам, румынам, грекам и т. д. В ответ, подстрекаемая европейскими союзниками, Турция не только отвергла эти предложения, но и разрешила англо-французской эскадре проход через пролив Дарданеллы.